

**АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ**

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXVIII
ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА



ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

1994

А. П. Терентьев-Катанский

**ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ТАНГУТОВ
ПО ДАННЫМ ТАНГУТСКОЙ ЛЕКСИКИ
(Словарь "Море письмен")**

Материалом, легшим в основу данного сообщения, послужили названия явлений живой природы (в данном случае животных), содержащиеся в большом тангутском толковом словаре "Море письмен" и его продолжении "Море письмен, смешанные категории", опубликованных отдельным двухтомным изданием в 1969 г. (Москва). Разумеется, словарный запас, содержащийся в этих книгах, далеко не исчерпывает собой все богатство тангутской лексики, но все же его достаточно, чтобы составить общее представление о естественно-научных взглядах тангутов, а также об окружающей их природе.

При анализе тангутских иероглифов, обозначающих интересующие нас понятия, представляется целесообразным пользоваться двумя ключами. Это, во-первых, своеобразный способ анализа состава знаков, данный в самих словарях. Но вряд ли его можно назвать структурным анализом в полном смысле этого слова. Чаще всего благодаря этому способу можно успешно выделить фонетическую часть одинаково звучащих иероглифов, иногда детерминативы, значительно реже части, несущие семантическую нагрузку. Обычно анализ проводится по принципу определения составных частей иероглифа, сходных с таковыми элементами других знаков:

1. Знак X: левая часть знака *a*, правая часть знака *б*.
2. Знак У: правая (левая) часть знака *a*, большая часть знака *б*.
3. Знак Z: правая (левая) часть знака *a*, целиком знак *б*.
4. Знак состоит из частей знаков *a*, *б*, *в*, *г* и т. д.

Естественно, что случаи 2 и 3 относятся главным образом к омонимам, причем большая часть знака или знак целиком в составе другого знака указывает на звучание. Семантическую нагрузку чаще всего несут элементы отдельных знаков в случае 4. Что же касается случая 1, то здесь мы можем иметь и фонетическое, и смысловое сходство, и ряд ассоциаций, понятных, по-видимому, только составителям словаря.

Иногда такие ассоциации бывают, на наш взгляд, бессмысленными и даже курьезными. Например, иероглиф № 258, обозначающий название особенно красивого, рассматривается в словаре как сочетание элементов знаков "птица" и "стригущий лишай". В ряде случаев имеет место своеобразное смысловое "замыкание", когда два знака с одинаковым значением объясняются с помощью друг друга. Например, иероглиф № 547 — "ночь, мрак" — поясняется иероглифом № 548, с тем же значением и звучанием, а тот, в свою очередь, поясняется первым знаком.

Исходя из сказанного выше, мы видим, что данный способ нельзя назвать структурным анализом. Это скорее система, призванная истолковывать значение знаков для самих тангутов, исходя из знакомых им понятий, или способ запоминания по звуковой и смысловой ассоциации, своего рода мнемонический прием. Однако именно звуковой и смысловой принцип делают данную систему полезной при настоящем структурном анализе, позволяя выделить группу, аналогичную китайской "синшэнь" — омонимы — в массе иероглифов, сходных по смыслу.

Второй ключ к пониманию значения тангутских иероглифов — собственно структурный анализ. Толкование иероглифов, исходящее из семантической нагрузки отдельных частей знака, проводилось в старых китайских словарях, в частности "Шо вэнь", где дается картина постепенного развития знака из рисунка в современный иероглиф. Той же системы придерживались многие европейские специалисты, например Леон Вигер и ныне покойный профессор Всеволод Сергеевич Колоколов. Хотя их метод встречал бурные возражения даже по отношению к китайской иероглифике, а к тангутскому письму считался абсолютно неприменимым как к системе, созданной искусственно, в данном случае к нему следует прислушаться.

Еще первые исследователи тангутского языка — Ло Фу-Чан, Анна Бернхарди, Эрвин фон Цах — обратили внимание на наличие в близких по значению тангутских знаках сходных элементов, без сомнения несущих смысловую нагрузку. Позднее известный советский тангутовед Е. И. Кычанов в ряде своих работ неоднократно возвращался к этой теме. В настоящее время им составлен список 244 смысловых элементов, названных в его пока еще не напечатанной работе о тангутской письменности (рукопись, с. 85—95) "детерминативами". По-видимому, выделенные им элементы в зависимости от места их в иероглифе играют роль не только детерминатива, но и просто значащей частицы.

Все сказанное выше заставляет нас в работе над иероглифическим материалом обратить основное внимание на структурный анализ знаков по принципу "Шо вэнь", используя для этого список элементов,

данных в работе Е. И. Кычанова. При этом не следует пренебрегать и анализом знаков, данным в "Море письмен".

Темой данного сообщения являются естественно-научные взгляды тангутов и их позитивные естественно-научные знания, выявленные в процессе разбора лексического материала, заключенного в словаре "Море письмен". Поскольку для небольшой статьи количество информации чрезмерно велико, представляется целесообразным ограничиться рассмотрением познаний тангутов в области зоологии, отбросив пока ботанику и минералогию. Им, как и другим отраслям научных знаний тангутов, автор предполагает посвятить в дальнейшем серию статей.

Точно так же из списка названий животных, упомянутых в данной статье, полностью исключены названия домашних пород, подробно перечисленных автором в другой работе, затрагивающей вопросы животноводства у тангутов и пока не изданной. Здесь же пойдет речь исключительно о дикой природе.

Тангуты определяли землю как "место обитания всех живых существ" [1]. Этим они как бы делили обитателей вселенной на настоящих, реальных живых существ, обитающих на земле, и духов, обитателей трансцендентного мира, местом пребывания которых были по преимуществу небесные или подземные области.

В тангутской лексике четко выделены понятия одушевленных [2] и неодушевленных [3] предметов. Структурный анализ обоих иероглифов не способствует уточнению их значения. В книге Н. А. Невского "Тангутская филология" (М., 1960), в томе I, на странице 194 дан биньом, дословно переводимый как "имеющие душу", т. е. живые существа [4]. Здесь, правда, слабо, проскальзывает мысль о некоей силе ("душе"), делающей предмет живым.

К понятию "имеющих душу", безусловно, относятся животные и человек. Вопрос об одушевленности растений остается неясным. Конечно, народу, исповедующему буддизм, должна была быть близка идея всеобщей одушевленности. Но, с другой стороны, в научной классификации мог господствовать принцип народного деления природы, отличный от религиозного.

Не менее четко, чем между одушевленными и неодушевленными предметами, проведено деление на диких и домашних животных. Даже в тех случаях, когда в словаре знак переводится как "животное вообще", этот принцип дает себя знать. В иероглифах №№ 72, 3457 [5, 6] наличествует частица значения "дикое животное" (№ 53 по таблице Е. И. Кычанова). В знаке № 72 за этим элементом следует элемент, обозначающий отрицание (№ 8 по таблице Е. И. Кычанова). Таким образом, здесь уже как будто видно разделение на диких и недиких животных. Третий знак в словаре "Море письмен", обозна-

чающий "животное" без уточнения, дикое оно или домашнее [7], имеет в своем составе элементы "нечистоты" и "земля" (№ 17 и 54 по таблице Е. И. Кычанова). Здесь — скорее идея приривненности животных по отношению к высшим существам (людям, духам).

Зафиксированы и иероглифы, определенно обозначающие категорию домашних животных: № 2454, поясняемый словами "из двух видов животных — диких и домашних — домашние животные" [8], и № 3631 [9], обозначающий домашнее животное в расцвете сил. В последнем знаке мы видим элемент "баран" (№ 105 по таблице Е. И. Кычанова).

Такое внимание к животным вполне естественно со стороны тангутов, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство. Но в данной статье, как было сказано выше, речь пойдет только о диких животных.

Последние также делились четко на хищных и травоядных (подразумеваются млекопитающие). Отдельно были выделены птицы, рыбы, гады и насекомые.

В соответствии с анализом, данным в тексте "Море писъмен", один знак, переведенный как "дикое животное", можно конкретизировать как обозначение хищных животных [10]. Он состоит из частей знаков "леопард" и "название дикого животного".

Знак № 2352, поясняемый словами "название разного рода диких животных" [11], определенно обозначает травоядных, так как, согласно словарю "Море писъмен", в его состав входят части знаков "олень" и "баран".

Рыбы и птицы выделены в отдельные группы. Пресмыкающиеся и земноводные, а также насекомые и низшие животные составляют два различных раздела. Особенно четко выражен второй отдел (определенный детерминатив). Некоторые знаки, как мы увидим ниже, объединяют эти два раздела в одну группу, может быть аналогичную разделу гадов в средневековой европейской науке и нечистых животных в религиях древнего мира.

Переходя к описанию конкретных пород животных, перечисленных в словаре "Море писъмен", следует оговориться, что довольно значительная часть их не поддается идентификации. Из пояснения к знаку мы знаем, что речь идет о диком животном, но что это было за животное, сказать бывает трудно. Структурный анализ знака, могущий уточнить смысл иероглифа с уже известным значением, в приведенном случае таит опасность бесплодного фантазирования.

Все же число названий известных животных достаточно велико. Следуя общепринятой схеме (см., например, "Жизнь животных" А. Э. Брэма), представляется целесообразным начать их рассмотрение с млекопитающих.

Выше уже говорилось о четком делении тангутами всех диких животных на травоядных и хищников. Ввиду того, что первые составляют базу существования для последних, кажется более удобным начать с травоядных.

Степи, занимавшие значительную часть территории тангутского государства, в свое время, по-видимому, не были такими засушливыми, как в наши дни. Даже в районе Хара-хото, расположенном ныне в совершенно безводной области, экспедиция Козлова обнаружила не только следы разрушенных ирригационных каналов, но и русла высохших рек. Речные долины, травянистые степи, леса, склоны гор давали прибежища многочисленным копытным.

Словарь "Море письмен" сохранил термины, определяющие характерные признаки копытных. В словаре зафиксированы знаки, обозначающие рога [12, 13]. В одном из них [13] в качестве составной части есть элемент "баран" (№ 105 по таблице Е. И. Кычанова). Дважды встречается знак, переводимый словами "пятнистый, как олененок" [14, 16], и один раз — знак, обозначающий пятна на шкуре лошади и осла [15]. Встречается и обозначение детеныша копытного животного, ягненка [17], также с элементом "баран" (№ 105 по таблице)

Помимо домашних животных — вола, осла, быка, коровы, мула, яка, коз — немалую пользу приносили тангутам дикие травоядные как объект охоты. Среди них на первом месте были, конечно, олени, обозначенные в "Море письмен" двумя различными знаками [18, 19]. В первых из них фигурирует элемент "сильный" (№ 161 по таблице; № 1 по дополнению к таблице Е. И. Кычанова), во втором — "бык" (№ 102 по таблице). По-видимому, еще чаще встречались тангутским охотникам различные антилопы — дзерены ([20, 21]; иначе переводилось "желтый дикий баран"), сайги [22] — горные козлы ([23, 24]; второй знак также переводится "антилопа"). Очень интересен структурный анализ знака № 1071 [23], толкуемого в "Море письмен" как сочетание частей знаков "черный козел" и "дикий". По таблице Е. И. Кычанова мы имеем здесь элемент отрицания (№ 8), элементы "баран" (№ 105) и "дикий" (№ 53). Получается как бы дикое существо, отличное от барана.

Естественно, что обилие травоядных обуславливало и наличие охотившихся на них хищников.

Характерные признаки последних широко отражены в словаре "Море письмен". Там встречается не менее четырех знаков, обозначающих кльки [25—28]. Некоторые из них, например знак № 2714, имеют много общих элементов, вероятно смысловых. Зафиксировано также выражение, обозначающее голос хищника "рев, рык" [29].

В "Море писъмен" отмечены такие обычные для Центральной Азии животные, как шакал [30], лиса [31], волк [32], медведь [33]. Общих элементов знаки, обозначающие этих животных, не содержат.

Несколько необычными для царства тангутов кажутся такие крупные хищники, как тигр [34, 35, 36], пантера (также может быть переведено "леопард", "барс"); [37], лев [38]. Во всех трех иероглифах, обозначающих тигра, встречается элемент "хватать" (№ 168 по таблице Кычанова).

Из мелких животных в словаре упоминаются заяц [39—41], мышь (или крыса) [42] и неизвестный грызун [43]. В двух иероглифах, обозначающих зайца [39, 40], присутствует элемент "маленький" (№ 166 по Кычанову). Иероглифы "мышь" и знак, обозначающий неизвестного грызуна, объединяет общий элемент "мышь" (№ 157 по Кычанову). Возможно, что данный термин — название тушканчика, изображение которого сохранилось в одной из тангутских рукописей (инв. № 4789).

Летучая мышь [44], по-видимому, мыслилась как злое животное, так как в иероглиф, обозначающий ее, входил элемент "зло" (№ 66 по Кычанову). В этом отношении представления тангутов ближе к Западу, нежели к китайскому региону, где летучая мышь была одним из символов счастья. То же можно сказать о драконе, о котором пойдет речь ниже.

Обезьяны, даже если учесть несоответствие древнего климата области царства тангутов современному засушливому климату Центральной Азии, вряд ли могли быть представителями местной фауны. Тем не менее в "Море писъмен" встречается целый четыре знака, обозначающих это животное [45—48]. В три знака [45—47] входит элемент "воля, усилие" (№ 166 по Кычанову). Это определенно не фонетический элемент, так как все три знака звучат различно. Очевидно, здесь имеет место элемент символики, непонятной нам. В одном из знаков [47] присутствует также элемент "палец" (№ 62 по Кычанову). Это может указывать на свойство самого животного — обладание подвижными пальцами.

Один из знаков [48], собственно, не имеет прямого значения "обезьяна". Дословно он поясняется, как "(животное), пару рук и пару ног имеющее". Если учесть, что большинством народов обезьяны воспринимались как "четверорукие", то такая характеристика заставляет задуматься. Речь, несомненно, идет не о человеке, так как в знак входит элемент "дикое животное" (№ 53 по Кычанову).

Длительное стояние на задних ногах характерно для человекообразных обезьян. Возможно, к тангутам проникали сведения о гиббоне, до сего дня обитающем в южном Китае. Как курьез можно высказать предположение о том, что данный знак обозначает неизвестного крупного антропода, якобы обитающего в Центральной Азии

("человек-медведь" монголов, "женьсю" и "синсин" китайцев, "снежный человек" современных фантастов).

Тангуты могли видеть обезьян в Китае и получать их, как редких животных, путем торговли. Этим, вероятно, и объясняется наличие столь большого количества терминов, указывающее на хорошее знакомство с данным животным.

Так же обстоит дело со слоном и носорогом. Тангуты вряд ли могли наблюдать этих существ непосредственно в естественных условиях. Но широкое распространение буддизма, в котором слон является обычным символом, и торговые контакты с соседними странами, откуда могли доставляться слоны хотя бы как редкие животные для императорского двора (например, из Китая или из Индии через Китай), могли содействовать созданию достаточно четкого представления о слоне в сознании тангутов. В "Море писем" зафиксированы отдельный знак "слон" [49] и термин, обозначающий и слона и носорога [50]. Последний обозначает также быка и характеризуется словами: "Похожий на коров, но по сравнению с коровами сильнее и крупнее". Такое определение может указывать также на буйвола или яка. Но примечательно, что и в китайском языке название носорога — "сино" — включает в себя слово "корова". Знак, о котором идет речь, поясняется также словами "большой, великий, громадный, огромный" и "чистый, свежий". Последнее определение как будто указывает на то, что данное животное было символом чистоты, святости, а стало быть, речь могла идти именно о слоне.

В сборнике тангутских пословиц и поговорок, переведенных Е. И. Кычановым, есть фраза о "больших слонах", наполнивших реки и болотистые низины¹. Это указывает на большую точность представлений тангутов о слонах, собирающихся стадами.

В первом знаке, обозначающем слона [48], присутствует элемент "лошадь" (№ 20 по Кычанову). Здесь мы имеем момент зоологической классификации, относящей слона к копытным. Носорог, помимо упомянувшегося выше знака, обозначен еще одним иероглифом [51], могущим быть просто разностью предыдущего. Присутствующий в нем элемент "камень" (№ 4 по Кычанову) может указывать на крепость кожи данного животного. В данном случае это, по-видимому, не классификационный, а просто описательный момент.

Хотя носорог, как кажется, является для тангутов таким же экзотическим животным, как обезьяна и слон, представление о нем могло опираться на более реальную основу. По данным современной палеонтологии, волосатый сибирский носорог, существовавший несомненно

¹ Вновь собранные драгоценные парные изречения / Изд. текста и перевод Е. И. Кычанова. М., 1974. С. 90, пословица № 3.

уже на памяти человека, мог дожить в форме реликта до довольно поздних эпох и иметь гораздо более значительный ареал распространения, чем Северная Азия. В Китае носорог был хорошо известен, а в южном Китае сохранился до наших дней.

Птицы в интересующем нас источнике представлены большим количеством названий. Это неудивительно, если принять во внимание широкое распространение пернатых во всех климатических зонах земного шара. Даже если принять за достоверный факт, что климат территории, на которой было расположено государство тангутов, почти не изменился до наших дней, то и в этом случае можно было бы ожидать встречи со значительным количеством степных птиц. Но, как мы уже убедились на примере с млекопитающими, климат царства тангутов в XI—XII вв., без сомнения, был не таким, как теперь.

В "Море писем" зафиксированы такие общие термины, как "крылатые птицы" [52] и "птицы; пернатые, крылья имеющие" [53]. Интересно наличие в них общей графемы, которую Е. И. Кычанов помещает в таблице, но однако он указывает в рукописи, что значение ее определил Нисидо Тапуо. У него она означает "солнце, день". Но графическая близость ее элементу "птица" (№ 80 у Кычанова) и тот факт, что она встречается не только в подавляющем большинстве названий птиц, но даже в названии некоторых летающих насекомых, подсказывают иное значение — "крылья".

Источник выделяет такие существенные признаки птиц, как перья [54, 55], крылья ([56, 57]; в обоих значениях присутствует элемент "птица"), зоб [58]. Отмечены такие понятия, как "яйцо" [59], "вылупившийся из яйца" ([60]; наличие элемента "крылья" заставляет предположить, что здесь имеет место классификационное значение, аналогичное понятию "птица"). Зафиксировано два знака со значением "гнездо" [61, 62], оба с элементом "трава" (№ 34 у Кычанова).

К несчастью, многие названия птиц (не меньше семнадцати) не поддаются расшифровке. Такие определения, как "название большой птицы", "название птицы с пестрым оперением", "название птицы с красным клювом" и просто "название птицы", ничего не говорят современному читателю. Пускаться в догадки, исходя только из структурного анализа знаков, при недостаточной изученности семантической нагрузки графем тангутского письма, было бы бесплодным занятием. Поэтому в данной статье приходится ограничиться перечислением иероглифов, значение которых нам абсолютно ясно.

Наличие в "Море писем" трех иероглифов со значением "орел" [63—65] и двух со значением "ястреб" [66, 67] как будто указывает на степь или горы — типичное место обитания этих хищных птиц. Но многократное упоминание совы, филина и сыча [68—72] определенно дает указание на лес. Интересно, что в состав знаков "сова" [68] и

"сыч" [71] входит элемент, ранее толковавшийся как "дракон", но определяемый Е. И. Кычановым как "злой дух, демон" (№ 72 у Кычанова). Одно из названий совы [70] поясняется в "Море письмен" словом "старый". Таким образом, и здесь мы имеем дело с осознанием образа совы как носителя зла, что опять-таки близко к западной символике.

Лесной птицей является и кукушка, обозначенная в источниках двумя иероглифами [73, 74].

На большее, нежели в наши дни, богатство страны водой указывают многочисленные названия водяных птиц. Среди четырех терминов, обозначающих журавля [75—78], к одному в "Море письмен" дано пояснение, указывающее на образ жизни этой птицы: "Среди птиц название тех, кто зимой собирается в стаи" [78]. Пояснение к другому знаку говорит о внешнем облике журавлей, водившихся на территории государства тангутов: "Среди птиц название той, которая с черной головой" [76]. Как мы увидим ниже, в разделе об изображении животных в тангутском искусстве, речь идет о дальневосточном журавле, или стерхе.

Из собственно водоплавающих птиц в источнике упоминаются гуси [79—81] и утки [82, 83]. Из гусей особо выделен дикий гусь [79], что указывает на наличие гусей домашних. Один из знаков, обозначающих утку, переводится как "мандаринская утка" [82]. Возможно, что эта порода была завезена из Китая. Анализ другого знака со значением "утка" чрезвычайно наглядно рисует образ водяной птицы — знак состоит из элементов "птица" (№ 80 у Кычанова) и "вода" (№ 47 у Кычанова).

В "Море письмен" зафиксировано еще одно название водяной птицы [84]. К сожалению, отождествить данный знак с какой-либо известной породой не удалось.

Из других птиц в "Море письмен" упоминаются: ласточка [85], воробей [86], ворона (или галка?) [87], сойка [88, 89], голубь [90].

Особо следует отметить феникса [91—93] и павлина [94, 95].

Феникс, образ которого почти несомненно попал к тангутам из Китая, считался и у тангутов царем птиц (пояснения ко всем трем знакам, обозначающим феникса). Любопытно, что в одном из знаков "феникс" [91] дважды повторяется упоминавшийся выше элемент "крылья". Невольно приходит на память древнейшее начертание китайского иероглифа с тем же значением, в графике которого угадывается изображение огромного крыла.

Один из знаков, изображающих павлина [95], переводится также как "курица, петух". По-видимому, павлин был домашней птицей, которая была завезена из соседних стран для императорских парков (так же, как и слон, — см. выше).

Количество знаков, обозначающих пресмыкающихся, в "Море письмен" немногочисленно. Три одиночных иероглифа, переводимые как "змея", графически настолько далеки друг от друга, что структурный анализ не дает никакой классификационной идеи [96—98]. Бином с тем же значением является комбинацией второго и третьего одиночного знака [99]. Особо выделена ядовитая змея (другое значение "гадока", но речь может идти и о гюрзе) [100].

В двух иероглифах, обозначающих черепаху [101, 102], присутствует элемент "насекомое, гад" (№ 57 по Кычанову). Хотя существует обширная группа разновидностей степных и пустынных черепах, тангутам, по-видимому, были известны и водные черепахи. Знак, обозначающий источник [103], поясняется словами: "Множество черепах".

Дракон, судя по анализу знаков, играл в символике тангутов двойственную роль. С одной стороны, графема "демон", упоминавшаяся выше, представляла собой стилизованное изображение дракона и первоначально переводилась словом "дракон". С другой стороны, один из знаков, обозначающих дракона [104], в "Море письмен" поясняется как состоящий из частей знаков "мудрый" и "змея". Таким образом, дракон выступает то как злое, то как доброе начало. Остальные знаки, переводимые словом "дракон" [105, 106], вероятно, обозначают разновидности дракона, которые имели место и в китайском фольклоре.

Большая часть знаков, обозначающих различные породы рыб, не идентифицируется. В них встречается элемент, не зафиксированный в таблице Е. И. Кычанова, и обозначающий, по-видимому, понятие "рыба" (возможно, изобразительная графема) [107]. Однако знак, обозначающий общее понятие "рыба", этого элемента не содержит [108]. В его состав входят детерминативы "вода" и "камень".

Следует отметить большое количество названий насекомых, содержащееся в "Море письмен". Правда, и среди них девятнадцать названий не идентифицируются, зато породы насекомых, обозначенные оставшимися знаками, достаточно многочисленны и разнообразны.

Основной знак, обозначающий насекомых вообще [109], встречается как в качестве отдельного иероглифа, так и в качестве детерминатива (№ 57 у Кычанова). Судя по его сходству с упомянутым выше элементом "крылья", это — чисто изобразительный знак, наличие которых в тангутской иероглифике отмечал в своих работах Е. И. Кычанов.

Три знака, зафиксированные в "Море письмен", обозначают как насекомых, так и червей и пресмыкающихся [110—112]. Смысл одного из них — "название всех гадов и насекомых" [112]. Ту же картину можно наблюдать в трудах средневековых европейских естествоиспытателей, также иногда не различавших этих разновидностей животных. Знак для обозначения собственно насекомых явно принад-

лежит к категории изобразительных иероглифов [113]. Он же может выступать в качестве детерминатива (№ 97 у Кычанова). Интересна его характеристика в "Море писем": "Насекомое, гад; небольшое по размеру, есть как с крыльями, так и без крыльев".

Один из знаков, обозначающих насекомых и гадов, обозначает также личинок и червей [111]. Особый иероглиф обозначает жужжание, гудение насекомых [114].

Естественно, что для полускотоводческого народа, каким были тангуты, важное значение имели насекомые, паразитирующие на скоте. В "Море писем" отмечено два названия для овода (или слепня) [115, 116]. Характеристика одного из знаков показывает, что тангуты чрезвычайно точно представляли механизм вредного воздействия слепня: "...название насекомого с личинкой внутри, которое кусает скот" [115].

Два знака, обозначающие муху, фактически представляют собой сочетание одних и тех же элементов — "насекомое" и "птица", — но в различном порядке [117, 118].

Знак, состоящий из элементов "насекомое" и "крылья", переводится словом "пчела" [119]. В "Море писем" он поясняется словами: "...находится между насекомыми с крыльями и жалом".

Из четырех иероглифов, обозначающих бабочку [120—123], только один имеет элемент "насекомое" [123]. Один из этих знаков можно отнести к определенной разновидности бабочек: "...название бабочки, похожей на сову" (по-видимому, какая-то ночная бабочка или один из бражников) [122].

Знак "светлячок" известен в двух формах [124, 125]. Один из них [124], по-видимому, идеограмма.

Знак "вошь" [126] не имеет детерминатива "насекомое". В иероглифе, поясняемом как "гнида, яйца вшей" [127], есть упоминавшийся выше элемент "зло, злой дух".

Иероглиф "муравей" [128] анализируется в "Море писем" как сочетание элементов знаков "насекомое" и "спешить". Хотя, как было сказано выше, анализ иероглифов в "Море писем" вряд ли можно считать настоящим структурным анализом, в данном случае мы имеем четкий зрительный образ муравья, каким он сложился в представлении тангутов, — образ, свойственный представлению многих народов об этом насекомом.

Хотя климат территории, которую занимали древние тангуты, в свое время был менее засушливым, чем сейчас, степной ландшафт занимал в ней значительное место. В какой-то мере это носило отражение в упоминании двух насекомых, живущих в песке [129, 130]. К несчастью, текст, поясняющий оба знака, во многих местах неясен.

Знаки, обозначающие паука [131] и паутину [132], снабжены детерминативом "насекомое". Следует вспомнить, что и в европейской науке сравнительно поздно начали отделять паукообразных от насекомых.

Из червей в "Море писем" отмечены "черви, заводящиеся в ранах" [133, 134], и странное существо, описываемое как червь, появляющийся на спине коня или на ногах человека, когда всадник едет по густой росистой траве. О том, насколько было распространено это существо, говорит обилие определяющих его терминов (два отдельных знака и два бинома) [135—138]. Если "черви, заводящиеся в ранах", могли быть простыми личинками мух (впрочем, не исключена и среднеазиатская рипшта), то описание второго животного заставляет задуматься. Невольно приходят на память те разновидности сухопутных тропических пиявок, которые, сидя на траве или листьях, подкарауливают жертву и присасываются к ней, проникая даже под одежду. Хотя тропический климат вообще не был свойственен территории государства тангутов, есть вероятность, что в данном случае мы имеем дело с неизвестным животным, родственным тропическим пиявкам.

Моллюски представлены в "Море писем" лишь одним иероглифом, переводимым как "улитка, слизняк" [139].

Обилие названий животных в "Море писем" позволяет предположить, что зоологические познания тангутов могли найти отражение в памятниках изобразительного искусства. Действительно, подобных изображений среди материалов, собранных в Хара-хото, много.

Чрезвычайно интересен подбор животных, на которых сидят спутники Вайшраваны, на иконе, числящейся в книге С. Ф. Ольденбурга "Материалы по буддийской иконографии Хара-хото" (СПб., 1914) под № 68. Из диких животных там наличествуют волк, белый лев, явно позаимствованный из китайской иконографии, голубой олень, тигр (очень реалистично данный; почти несомненно — взят с натуры).

По рисункам, изображающим тигров и львов, можно почти безошибочно сделать вывод, какое из этих двух животных тангуты наблюдали в природе. В гравюре, иллюстрирующей рукопись (инв. № 205), в горах, за спиной сидящего Будды, даны изображения различных диких животных. В их числе — лев, данный в китайском стиле, и тигр, образ которого лишен каких-либо элементов стилизации.

На той же гравюре не очень ясно показаны обезьяноподобные существа, выглядывающие из-за скалы. Это — единственное изображение обезьян в тангутском искусстве, обнаруженное до сих пор.

В рукописях инв. № 1471, 1707, 3862, 4058 на полях даны наброски птиц. В двух случаях (инв. № 1707, инв. № 4058) это несомненно гуси. Остальные птицы похожи на журавлей. На иконе № 31 в

книге Ольденбурга около трона Будды помещен типичный дальневосточный журавль (стерх), данный в реалистической манере, с легким уклоном в китайский стиль. На гравюре, иллюстрирующей ксилограф (инв. № 2300), по краям трона Будды помещены фигуры птиц, в которых можно признать мандаринских уток. Изображений павлина в дошедших до нас памятниках тангутского искусства не найдено. Но в других районах Центральной Азии оно встречается².

Дракон почти не встречается в памятниках тангутского искусства. В тех случаях, когда он изображается, он выступает носителем злого начала. Примером может служить гравюра, иллюстрирующая многие главы Махаргаджпарагамита-sutra, где дракона, вылезающего из колодца, умиряет докшит³. Дракон на иконе № 68 (по Ольденбургу) — не дракон, а существо, подобное китайскому цилиню. Икона № 69, где Ольденбург помещает "большого золотого дракона китайского типа", утеряна.

Подводя итоги, можно сделать два основных вывода:

1. Тангуты не только живо интересовались окружающей их природой (как видно из значительного количества приведенных в статье названий пород животных), но делали попытку классифицировать известных им живых существ. Само иероглифическое письмо включает в себе принцип классификации явлений, что, безусловно, связано с определенной натурфилософской концепцией. Эта концепция предстает перед нами в общих терминах, обозначающих определенные группы животных, в ключевых знаках соответствующих групп иероглифов и, наконец, в общем делении явлений на мертвую природу и "имеющих душу" и в представлении о земле как месте обитания всех живых существ, в противоположность миру существ бестелесных, и тем самым не имеющих статуса жителей земли.

2. Если мы проанализируем характер фауны территории, занимаемой тангутами, перед нами предстанет не та мертвая пустыня, которая в наши дни поглотила большую ее часть, но страна, в которой степные участки, относительно засушливые, чередовались с участками, орошенными водами многочисленных рек, тугайными зарослями, отдельными участками леса. Весьма вероятно, что речные русла, найденные в пустынях Центральной Азии в значительном количестве, во времена тангутов могли еще функционировать. Таким образом, былое богатство тангутского государства животными может служить еще одним аргументом в пользу широко распространенной теории великого усыхания Центральной Азии в исторические времена.

² A. Stein. Serindia. Oxford, 1921. V. 1. P. 103.

³ Докшит — дух-хранитель в северном буддизме.

Список тангутских иероглифов

(Знаки даны в том порядке, в котором они упоминаются в тексте. Цифры после тангутского знака обозначают его номер в "Море письмен").

- | | |
|--|---------------------------|
| 1. 毒 № 1796 | 25. 毒 № 846 |
| 2. 毒 № 3701 | 26. 毒 № 881 |
| 3. 毒 № 3679 | 27. 毒 (Пояснения к № 881) |
| 4. 毒 (Невский. Тангутская филология. М., 1960. Т. I. С. 194) | 28. 毒 № 2714 |
| 5. 毒 № 72 | 29. 毒 № 3771 |
| 6. 毒 № 3475 | 30. 毒 № 3074 |
| 7. 毒 № 3316 | 31. 毒 № 2752 |
| 8. 毒 № 2454 | 32. 毒 № 1183 |
| 9. 毒 № 3631 | 33. 毒 № 4138 |
| 10. 毒 № 2025 | 34. 毒 № 2616 |
| 11. 毒 № 2352 | 35. 毒 № 3295 |
| 12. 毒 № 960 | 36. 毒 № 4873 |
| 13. 毒 № 3651 | 37. 毒 № 5003 |
| 14. 毒 № 7 | 38. 毒 № 3544 |
| 15. 毒 № 3482 | 39. 毒 № 5141 |
| 16. 毒 № 4171 | 40. 毒 № 4306 |
| 17. 毒 № 4577 | 41. 毒 № 2285 |
| 18. 毒 № 2809 | 42. 毒 № 306 |
| 19. 毒 № 4996 | 43. 毒 № 635 |
| 20. 毒 № 1161 | 44. 毒 № 4839 |
| 21. 毒 № 3716 | 45. 毒 № 492 |
| 22. 毒 № 235 | 46. 毒 № 3775 |
| 23. 毒 № 1071 | 47. 毒 № 751 |
| 24. 毒 № 2817 | 48. 毒 № 535 |

49. 𦉳𦉳 𦉳𦉳 № 3182
 50. 𦉳 № 66
 51. 𦉳 № 4771
 52. 𦉳 № 4175
 53. 𦉳 № 2746
 54. 𦉳 № 4798
 55. 𦉳 № 4343
 56. 𦉳 № 4530
 57. 𦉳 № 3755
 58. 𦉳 № 922
 59. 𦉳 № 3552
 60. 𦉳 № 4262
 61. 𦉳 № 4826
 62. 𦉳 № 5028
 63. 𦉳 № 3538
 64. 𦉳 № 2476
 65. 𦉳 № 4920
 66. 𦉳 № 2443
 67. 𦉳 № 2442
 68. 𦉳 № 4176
 69. 𦉳 № 3922
 70. 𦉳 № 34
 71. 𦉳 № 3543
 72. 𦉳 № 3848
 73. 𦉳 № 4237
 74. 𦉳 № 4055
 75. 𦉳 № 4939

76. 𦉳 № 2509
 77. 𦉳 № 2996
 78. 𦉳 № 2297
 79. 𦉳 № 2637
 80. 𦉳 № 3671
 81. 𦉳 № 810
 82. 𦉳 № 3747
 83. 𦉳 № 3591
 84. 𦉳 № 1070
 85. 𦉳 № 542
 86. 𦉳 № 4294
 87. 𦉳 № 4471
 88. 𦉳 № 3597
 89. 𦉳 № 1841
 90. 𦉳 № 4026
 91. 𦉳 № 178
 92. 𦉳 (Пояснения к № 178).
 93. 𦉳 № 1244
 94. 𦉳 № 3298
 95. 𦉳 № 2512
 96. 𦉳 № 1005
 97. 𦉳 № 4321
 98. 𦉳 № 3242
 99. 𦉳 (Пояснения к № 1005)
 100. 𦉳 № 3828
 101. 𦉳 № 904

- | | | | | | |
|------|---------|--------|------|-----|--------------------|
| 102. | 形多 | № 2015 | 121. | 加多 | № 3987 |
| 103. | 豕 | № 2683 | 122. | 玃 | № 708 |
| 104. | 豕 | № 1737 | 123. | 豕 | № 2545 |
| 105. | 豕 | № 266 | 124. | 豕 | № 3992 |
| 106. | 豕 | № 4480 | 125. | 豕 | № 2265 |
| 107. | 豕 | | 126. | 豕 | № 4214 |
| 108. | 豕 | № 3136 | 127. | 豕 | № 1808 |
| 109. | 豕 | № 5106 | 128. | 豕 | № 2510 |
| 110. | 豕 / 豕 / | № 3749 | 129. | 豕 | № 901 |
| 111. | 豕 | № 888 | 130. | 豕 | № 537 |
| 112. | 豕 | № 1780 | 131. | 豕 | № 1829 |
| 113. | 豕 | № 1657 | 132. | 豕 | № 4915 |
| 114. | 豕 | № 486 | 133. | 豕 | № 1214 |
| 115. | 豕 | № 399 | 134. | 豕 | № 1125 |
| 116. | 豕 | № 2283 | 135. | 豕 | № 1108 |
| 117. | 豕 | № 3435 | 136. | 豕 | № 64 |
| 118. | 豕 | № 3730 | 137. | 豕 豕 | (Пояснения к № 64) |
| 119. | 豕 | № 2529 | 138. | 豕 豕 | -"- |
| 120. | 豕 | № 3173 | 139. | 豕 | № 3772 |